

УДК 811.161.1'37

Дегтярева М.В.

Вятский государственный университет

Духовнова Е.О.

Московский государственный областной университет

**КОДИРУЮЩАЯ И КОНСПИРИРУЮЩАЯ ФУНКЦИИ
СУБСТАНТИВНЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГОРОД»)**

M. Degtyareva

Vyatka State University

E. Dukhovnova

Moscow State Regional University

**ENCODING AND COVERING FUNCTION OF SUBSTANTIVE METAPHORIC
PHRASES IN THE POETRY OF SILVER AGE (ON SEMANTIC FIELD "CITY")**

Аннотация. В статье проанализированы кодирующая и конспирирующая функции субстантивных метафорических словосочетаний в поэзии Серебряного века. Объектом исследования явились метафоры семантического поля «город». Даны определения кодирующей и конспирирующей функций. Выявлены особенности совмещения, наложения и взаимного дополнения данных функций. Определены знаковые объекты – улицы, площади, мосты, жилые и промышленные здания и др., формирующие образ города. Проанализированы природа и функции субстантивных метафорических словосочетаний, передающих образы российских и европейских столиц.

Ключевые слова: субстантивное метафорическое словосочетание, метафора-загадка, олицетворение, кодирующая функция метафоры, конспирирующая функция метафоры.

Abstract. The paper analyzes the encoding function and covering function of substantive metaphorical phrases in the poetry of the Silver Age. Metaphors with semantic field «city» were the object of the study. The encoding and covering functions are defined in the article. The authors explore how the functions combine, overlay and complement, and define the symbolic objects - streets, squares, bridges, residential and industrial buildings, etc., that form the image of the city. The nature and function of the substantive metaphorical phrases, which express images of Russian and European capitals, are analyzed.

Key words: substantive metaphorical phrase, metaphor, mystery, personification, metaphor encoding function, covering function of metaphor.

Номинативная, информативная, мнемоническая, стилеобразующая, текстообразующая, жанрообразующая, эвристическая (когнитивная), объяснительная, эмоционально-оценочная, этическая, аутосуггестивная, кодирующая, конспирирующая, игровая, ритуальная – функции метафорических средств языка, выделяемые в специальной литературе [6]. Подобное функциональное многообразие обусловлено природой метафоры, которая, по выражению В.К. Харченко, «может быть средством запоминания и конспирации, шифровки, кодирования и разъяснения, способом открытия нового (эвристическая функция) и способом консервации, сбережения речевых традиций (ритуальная функция)» [6, с. 82]. Функции

© Дегтярева М.В., Духовнова Е.О., 2012.

метафоры перекрещиваются, совмещаются, взаимодействуют и дополняют друг друга, поэтому вопрос об их количестве и иерархии остаётся открытым.

Предметом нашего исследования явились кодирующая и конспирирующая функции субстантивных метафорических словосочетаний семантической группы «город» в поэзии Серебряного века. Выбор аспекта анализа данных единиц не случаен: реализуя кодирующую и конспирирующую функции, они становятся ключом к постижению идеи поэтического произведения, его текста и подтекста, его эмоционального тона.

Город – некое пространство с особым устройством, сложившимся бытовым и культурным укладом, влияющим на образ мыслей и духовные запросы отдельного человека и целого общества (ср.: *город* ‘крупный населённый пункт, являющийся административным, промышленным, торговым и культурным центром’ [1, т. 4, с. 319]). В поэзии Серебряного века получает развитие образ города, особенности городской жизни, отличные от деревенской, образы конкретных городов (Москва, Петербург, Париж, Берлин, Нью-Йорк, Венеция и др.) с их улицами, площадями, домами, башнями, соборами, мостами и связанные с ними события, впечатления, переживания. Поэты рисуют образы города-живого организма (*копчёные рожи заводов, домовьи души, души фабрик и хат* (В. Маяковский)), города-реки (*проток экипажей* (А. Блок), *плотины баррикад, людской прилив* (В. Брюсов), *человечий прилив, плотина улиц* (В. Маяковский)), города-кладбища (*могилы домов* (А. Блок), *скелеты домов* (С. Есенин), *гроба домов публичных* (В. Маяковский)), города-Молóха (*болванок красные гроба, вагранок огненная вьюга* (М. Герасимов)), города-модного салона (*тарелки зализанных зал* (В. Маяковский)), города-магазина, города-театра, города-музея и др. (о национальной и индивидуально-авторской концептуализации понятия «город» см. в раб. Водневой М.Г. [2]). Например, объекты города – улицы, переулки, площади,

здания – обретают “человеческий облик”, что позволяет представить город как живой организм, имеющий “тело”, способный жить, дышать, чувствовать, как человек; ср.: *С небритой щеки площадей/ стекая ненужной слезою,/ я,/ быть может,/ последний поэт* (В. Маяковский); *Сбежались смотреть литовские сёла,/ как, поцелуем в обрубок вкована,/ слеза золотые глаза костёлов,/ пальцы улиц ломала Ковна* (В. Маяковский); *Плитняк раскалялся, и улицы лоб/ Был смугл...* (Б. Пастернак).

Кодирующая функция метафоры предполагает представление художественного образа в виде символа или набора символов (обозначений и названий), направляющих к постижению основной мысли конкретного речевого отрезка – от метафорического контекста до текста целого произведения. «... При кодировании, – отмечает В.К. Харченко, – шифр к метафоре лежит как бы на поверхности. Мы скрываем нечто, кодируем... понимая, что обратный процесс, декодирование, особых затруднений не вызовет» [6, с. 64]. Метафорическое средство языка, выполняя **конспирирующую функцию**, реализует авторскую цель «засекречивания смысла», по выражению В.К. Харченко [6, с. 67]. Метафора, выполняющая конспирирующую функцию, реализует замысел автора – “спрятать” от читателя описываемый объект, препятствовать постижению созданного им художественного образа. Конспирирующая функция, как правило, совмещающаяся с игровой, характерна для перифраз, или метафор-загадок, в терминологии Ю.И. Левина [4, с. 457]. В художественных текстах кодирующая и конспирирующая функции часто перекрещиваются, взаимодействуют, дополняя друг друга.

Корпус “городских” метафор, выполняющих кодирующую и конспирирующую функции в поэтических текстах Серебряного века, охватывает такие объекты города, как улицы, площади, промышленные и жилые здания, мосты, башни, фонари, транспорт и др. Так, например, для поэзии симво-

лизма характерен интерес к форме объекта: увидеть объект и через своеобразие формы передать его сущностную характеристику. Эту творческую задачу в поэтических текстах символистов реализуют субстантивные метафорические словосочетания с «**опорными оформителями**» (в терминологии Л.В. Кнориной [3, с. 260-267]), выполняющие кодирующую функцию. Ср.: *Одна мне осталась надежда:/ Смотреть в колодезь двора* (А. Блок); *Прорезан длинными колодцами/ Горящих улиц, – город жив...* (В. Брюсов). Опорное слово *колодезь* (*колодезь*) – кодовое к постижению образа города: улицы и дворы, уподобляемые колодцам и ассоциирующиеся с сыростью, холодной водой, глубиной и подземной тьмой, неуютны, темны и безлюдны.

В стихотворении «*Всё каменное. В каменный пролёт...*» В. Ходасевич, рисуя образ Берлина, города холодного, чужого, неуютного и неласкового к русским эмигрантам, использует перифрастическое выражение *скважины* *громоздкого Берлина*. Субстантивное метафорическое словосочетание выполняет одновременно кодирующую и конспирирующую функции. Вне контекста, и в этом заключается конспирирующая функция метафоры, невозможно определить «засекреченный» объект изображения (ср.: *скважина* ‘узкое отверстие, щель’ [5, т. IV, с. 105]) – улицы Берлина. Реализации кодирующей функции перифрастического выражения способствует эпитет *громоздкий* ‘слишком большой, занимающий много места’ [5, т. I, с. 350]: характеристика Берлина – эпитет *громоздкий*, контрастирующего с размером улиц, напоминающих щели, узкие проходы, передаёт ощущение тесноты физической и эмоциональной, потерянности, неприкаянности, одиночества русского эмигранта на чужбине.

Рассмотрим примеры: *Только камни нам дал чародей,/ Да Неву буро-жёлтого цвета,/ Да пустыни немых площадей,/ Где казнили людей до рассвета* (И. Анненский); *В пропасти улиц закинуты,/ Городом взятые в плен,/ Что мы мечтаем о Солнце потеря-*

ном! (В. Брюсов). Лексема *пустыни* и эпитет *немых* передают закодированную информацию – одиночество человека в “мёртвом” городе, страшную историю Петербурга, “молчание” площадей, которые помнят казни. В сочетании *пропасти улиц* зашифрован глубинный смысл: *пропасть* как обрыв, бездна, то, куда проваливаешься, падаешь, передаёт ощущение трагического падения, невозможности противостоять жизненным обстоятельствам, выражаемое страдательным причастием *закинуты*, потери *Солнца* – смысла жизни.

Уникальный образ вокзала – неотъемлемого атрибута крупных городов – создан Б. Пастернаком; ср.: *Вокзал, несгораемый ящик/ Разлук моих, встреч и разлук...* (Б. Пастернак). Перифраза *ящик разлук, встреч и разлук* реализует конспирирующую и кодирующую функции: являясь загадкой, она в то же время кодирует представления лирического героя о вокзале как предмете, предназначенном для хранения чего-либо (в данном случае – *разлук и встреч*), и о самой жизни с чередой бесконечно сменяющих друг друга находок и потерь, радостей и печалей. Раскрытию символического смысла метафоры способствует её кольцевая композиция (*разлук – встреч – разлук*), а также эпитет *несгораемый* (в русской национальной картине мира не горит и выдерживает испытание временем только истинное, вечное).

Совмещение и взаимодействие кодирующей и конспирирующей функций обнаруживают уникальные субстантивные метафорические словосочетания в поэзии В. Маяковского: поэт использует разнообразные номинации облика, формы, внешнего вида, конструкции при описании зданий, сооружений и их частей (крыш, окон, решёток и др.); ср.: *А там,/ где взвит/ этажей коробок/ и жгут/ миллион киловатт, –/ стоял/ индейский/ военный бог,/ брюхат/ и голова; Отряды рабочих/ матросов,/ голи –/ дошли,/ штыком домерцав,/ как будто/ руки/ сошлись на горле,/ холёном/ горле/ дворца; Берлин – тревожного моря бред,/ невидимых*

волн басовые ноты. / И за, / и над, / и под, / и пред – / **домов дредноуты.** Перифраза **этажей коробок**, засекречивая образ «стоэтажного домища», выполняет и кодирующую функцию: поэт, сравнивая нью-йоркский небоскрёб со спичечным коробком, словно “сбивает спесь” с него, но для американцев этот дом остаётся тем же идолом, что и «военный бог» для индейцев. Антропоморфная метафора **холёное горло дворца** (Зимний дворец Петербурга) в стихотворении, посвящённом революции, – код к раскрытию авторского отношения к событиям 1917 г. (эмоциональная оценка передаётся эпитетом **холёное** (горло), обличающим дворянскую изнеженность и щеголеватость). Выбор Маяковским лексемы **дредноут** ‘крупный быстроходный броненосец с мощным вооружением’ [5, т. I, с. 446] для обозначения берлинских домов (**домов дредноуты**), на наш взгляд, обусловлен тем, что именно она кодирует представление о размерах, «громоздкости», “грузности” Берлина, о которой писал и В. Ходасевич (ср.: *скважины громоздкого Берлина*). Важно подчеркнуть, что для футуристов характерны эксперименты со словами разных семантических групп, а для футуриста Маяковского – особенно с лексемами, обозначающими военные и революционные реалии.

Ярко проявляется кодирующая функция “городских” метафор, обозначающих разные виды транспорта; ср.: **машин стада** (О. Мандельштам), **пасть трамвая**, **умная морда трамвая**, **трамваев электрическая рысь** (В. Маяковский) и др. Город, таким образом, воспринимается как некий заповедник, движущийся, дышащий, живущий по своим, “природным”, законам. В стихотворениях В. Маяковского, посвящённых Парижу, автомобили “оживают”, наделяются свойствами людей и животных; ср.: *Товарищи! / Вы / видали Ройльса? / Ройльса, / который с ветром сросся? / А когда стоит – кит. / И вот этого / автомобильного кита ж / поднимают на шестой этаж!; Ставили / уменьшенное мышей, / тысяча машинных малышей / спит в*

объятиях гаража-колосса; И когда / опять / вдыхают на заре / воздух / миллионом / радиаторных ноздрей, / кто заставит / и какую дуру / Нос вертеть / на Лувры и скульптуру?! Важно подчеркнуть, что у футуриста Маяковского эти образы призваны отразить технический прогресс, а в стихотворениях С. Есенина олицетворения кодируют неприятие технических новшеств, угрожающих деревне, сожаление, щемящую боль по уходящим в прошлое “благам” деревни с её лошадьми, природной естественностью, диковатостью; ср.: *Вот сдавили за шею деревню / Каменные руки шоссе; Милый, милый, смешной дуралей, / Ну куда он, куда он гонится? / Неужель он [жеребёнок] не знает, что живых коней / Победила стальная конница? (о поезде); О, электрический восход, / Ремней и труб глухая хватка, / Се изб древенчатый живот / Трясёт стальная лихорадка!*

Перифрастические субстантивные словосочетания, или метафоры-загадки, называющие российские и европейские столицы, выполняют конспирирующую функцию; ср.: *Париж, / тебе ль, / столице столетий, / к лицу / эмигрантская нудь?* (В. Маяковский); *Жди: резкий ветер дунет в окарино / По скважинам громоздкого Берлина – / И грубый день взойдёт из-за домов / Над мачехой российских городов* (В. Ходасевич); *Нет, не спрятаюсь мне от великой муры / За извозчичью спину – Москву...* (О. Мандельштам); *Мозг всей России! С трепетом пламенным, / Полон ты дивным, царственным помыслом...* (В. Брюсов. К Петрограду). Ни одно из перифрастических словосочетаний невозможно верно истолковать без обращения к контексту, так как образ каждого города законспирирован, засекречен. Узнаванию “зашифрованного” города способствует признак, несущественный для характеристики и определения природы объекта, но присущий ему, выделяемый в нём. Так, называя Париж **столицей столетий**, В. Маяковский выделяет признак, относящийся к временному плану: рождается образ города-эпохи, города настоящего, прошлого и будущего, города революций и моды.

В перифрастическом выражении *мачеха российских городов* В. Ходасевич засекретил Берлин, а кодом к пониманию положения русского эмигранта в Берлине стало узуальное переносное значение лексемы *мачеха* ‘о ком-, чём-л. жестоком, враждебном’ [5, т. II, с. 239]]. Перифраза О. Мандельштама о Москве *извозчицья спина* выполняет и кодирующую, и конспирирующую функции: она передаёт ощущение коренного перелома в жизни России – старая, дворянская, Москва с извозчиками и экипажами уступает место новой, промышленной Москве. В Брюсов, именуя Петербург *мозгом всей России*, кодирует в перифразе представление о нём как о северной столице (*столица* ‘главный город, административно-политический центр государства’ [5, т. IV, с. 272]).

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что для поэзии Серебряного века характерно перекрещивание, наложение и взаимное дополнение кодирующей и конспирирующей функций субстантивных метафорических словосочетаний. Анализ языкового материала показал, что едва ли не каждая метафора символична: ей свойственна не только кодирующая, но и эстетическая, текстообразующая, аутосуггестивная, этическая и др. функции. Среди субстантивных метафорических словосочетаний семантического поля «город» не встречаются цветные метафоры. Образы городов (Москва, Петербург, Париж, Берлин и др.), городских объектов в поэзии

Серебряного века “бесцветны”. Внимание поэтов обращено к форме знаковых объектов (Зимний дворец Петербурга, нью-йоркские небоскрёбы и др.). Доминирующим приёмом представления образа города является олицетворение, “одушевление”, соотнесение с миром живым городских объектов – улиц, жилых зданий, промышленных предприятий, площадей, машин, что обусловлено стремлением передать эмоции и переживания лирического героя и самого поэта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой академический словарь русского языка (БАС)/ Гл. ред. К.С. Горбачевич// РАН. Ин-т лингвистических исследований. – Том 4. (Ред. четвёртого тома: Л.И. Балахонова и Л.Е. Кругликова). – М.; СПб.: Наука, 2006. – 680 с.
2. Воднева М.Г. Национальная и индивидуально-авторская концептуализация понятия «город» в русской языковой картине мира: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2011. – 23 с.
3. Кнорина Л.В. Нарушение сочетаемости и разновидности тропов в генитивной конструкции// Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995/ Редколлегия: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. – М.: Индрик, 2003. – С. 260-267.
4. Левин Ю.И. Структура русской метафоры: Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
5. Словарь русского языка: в 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.
6. Харченко В.К. Функции метафоры: Учебное пособие. Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 96 с.